

Ольга Ремизова

СКАЖИ

Скажи, я ошибаюсь, открывая утром глаза? Правду моего сна заменяет ложь холодного утра. В складках одеяла еще тает сонная сладость, но... ноги на ледяной пол и - вот она, ложь. В этой лжи нет тепла и ласки, ночной неги и серебряной пыльцы желания. Здесь не исполняется мечта, а лишь рассыпается сухим прахом и ржавой пылью покрывает иссушенное сердце. Уста не согреты здесь поцелуем, а покрыты слоем помады, и тюбик ее - единственное, что коснется девственности губ. Одежда здесь несет строго практические функции - защитить, согреть, спрятать. Не рассказать, раскрыть, позвать - нет струй шелка на бедрах, нет рук, затерянных в легких складках, нет движения - строгие застывшие линии, будто оживший памятник. Закрыв глаза, я еще могу вернуться, но с каждой маленькой ложью сделать это все сложнее. Так длинна дорога к моей правде - к моей тайне. Там, в правде, не нужно притворяться не собой, там у меня есть все, есть ты, и я благодарна за это всему, что меня окружает. Внезапно я поняла, что еще жива, что не окаменела и могу плакать кровью. Да, она бьется во мне - горячая, живая, настоящая. Я ощущаю ее движение, ведь вся она стремится к тебе.

Холодно. На дрожащую землю падают замерзшие слезы небес, а ей, умирающей, не хватает сил закричать. И вновь ее хоронят заживо, закрывают глаза бельмами льда, засыпают прахом сугробов. Она лежит, едва живая до того времени, когда небо заберет свои слезы обратно.

И я хороню себя каждое утро в холоде бетонных стен, оставляя в снах свой настоящий образ. Образ огня и воздуха, смесь тверди и вод. Я переливаюсь, у меня нет постоянной формы, я проскальзываю между пальцев и пью дыхание прямо из губ, горячее и свежее, страстное и глубокое. Я хочу быть пьяной и свободной, я пью страсть в своем сне, я вижу в нем тебя, я - ночной суккуб, мне нельзя отказывать и ... мне невозможно отказать. Я пью ... а утром просыпаюсь с пересохшими губами и саднящим горлом.